

Россия Эномото Такэаки – первого посланника в России
Из книги «Нитиро исёку-но гундзо»
(«Другая картина японо-российских отношений»). Токио, 2014

Накамура Ёсикадзу

В публикации представлена краткая биография Эномото Такэаки (1836–1908) – яркой исторической личности и одного из наиболее образованных японцев эпохи Мэйдзи. Особое внимание уделяется жизни и деятельности Эномото в период его пребывания в Петербурге в качестве первого посланника Японии в России (1874–1878 гг.). Автор опирается на письма и дневники, написанные Эномото в этот период, в которых отражены его впечатления о пребывании в России, оценки разных событий, проблемы, с которыми он сталкивался в повседневной жизни. Такой подход придает изложению особый колорит, насыщая его многими интересными деталями.

Ключевые слова: Эномото Такэаки, русско-японские отношения, первый японский посланник в России, пребывание в Петербурге, путешествие в Сибирь.

Введение

«Если бы не существовало карты мира, не пришлось бы говорить и о жизни Эномото Такэаки» – утверждает Ямамото Ацуко, автор таких работ, как «Эномото Такэаки – человек мира, опередивший свое время, – открывает дорогу для иммиграции в Латинскую Америку» и «Столетняя история нападений и обороны Панамского канала. От начала строительства в 1904 г. до его возвращения». Это – мудрое замечание.

В исследованиях, посвященных сфере политики периода Мэйдзи, Эномото не уделялось достаточного внимания, но на самом деле не было никого, кто обладал бы такими обширными знаниями о мире, как он. Ведь еще до Обновления Мэйдзи ему посчастливилось в течение пяти лет пребывать в Европе (главным образом, в Голландии).

Эномото Такэаки был одним из первых дипломатов, командированных правительством Мэйдзи в западные державы, и местом его первого назначения стала Россия. А ведь для Японии периода перехода от правления сёгуната Токугава к Мэйдзи Россия была самым грозным соседом. По японо-российскому договору о торговле и дружбе, подписанному сёгуном, Сахалин (Карафуто) был определен как территория, где граждане обеих стран будут проживать совместно. Это «совместное проживание» порождало множество проблем.

На плечи Эномото была возложена еще одна трудная задача – судебная тяжба с Перу, получившая название «инцидент с «Мария Луз». В пятом году Мэйдзи перуанский пароход «Мария Луз» с примерно двумястами китайскими рабочими-кули на борту вошел в порт Йокогама. Один из рабочих прыгнул с судна в море, рассказал на британском

военном корабле о жестоком обращении и телесных наказаниях, применявшихся на судне, и попросил помощи. Этот инцидент рассматривался в японском суде, и в конечном итоге все рабочие были возвращены в Китай. К этому Японию подтолкнуло мировое общественное мнение, которое открыто осуждало работорговлю. Что касается властей Перу, то они не согласились с решением суда, переговоры между японской стороной и приехавшей из Перу миссией затянулись, и в конце концов было принято решение о том, чтобы доверить вынесение окончательного вердикта по этому инциденту российскому императору Александру II. Существо вопроса заключалось в том, будет ли Япония выплачивать Перу 500 тыс. иен или дело закончится без каких-либо выплат. В 1875 г. Эномото удалось добиться успеха в заключении договора об обмене Карафуто на Тисима (Курильские острова), а также одержать победу в судебной тяжбе с Перу.

В то время японское общественное мнение расценило передачу Сахалина в обмен на Тисима как проявление дипломатической слабости, и квалификация Эномото была поставлена под сомнение. Однако, как явствует из современных исторических работ, правительство Мэйдзи с самого начала взяло курс на отказ от Сахалина. Политика руководства была нацелена не столько на удержание Сахалина, сколько на освоение Хоккайдо. Если добавить к этому и выигрыш по делу «Мария Луз», то неудивительно, что в самом правительстве дипломатическая деятельность Эномото получила высокую оценку.

В 1868–1869 гг. Эномото возглавлял мятежные войска в Хакодате на Хоккайдо, но ему было суждено стать видным политиком эпохи Мэйдзи. И карьера Эномото после битвы при Хакодате стала более продолжительной, чем до нее.

Первая встреча с Россией

Знакомство Эномото с Россией состоялось довольно давно. Это подтверждает Икуро Ятаро в своей книге «Биография Эномото Такэаки» (издательство «Мияма», 1968 г.). Хори Орибэмаса Тосихиро (он был сыном *о-мэцукэ* Тосиката – чиновника тайного надзора *бакуфу*) в 1854 г., на следующий год после прихода кораблей Перри и Путятина, был назначен главным управляющим в Хакодате в земле Эдзо¹. Эномото Камадзиро (детское имя Такэаки), который в это время как раз закончил учебное заведение *бакуфу* Сёхэйко, последовал за Хори в качестве его личного сопровождающего, добрался до далекого Сахалина, где жили *эдзо* (айны). Думаю, что большую роль в этом путешествии сыграла воля его отца, Хакода Энбэй, который был лучшим учеником ученого-картографа Ино Тадаката. Отец купил себе в свое время статус

¹ Старое название, использовавшееся до колонизации Хоккайдо и включавшее, помимо Хоккайдо, Алеутские острова и Курилы. Здесь и далее примечания принадлежат переводчику.

гокэнин, дававший ему право считаться прямым вассалом сёгуна, и принял фамилию Энмото. По-видимому, Энбэй хотел показать своему второму сыну, обладавшему несомненными способностями, более обширный мир.

Конечно, на Сахалине Энмото наблюдал проживавших там русских. Кроме того, осенью 1854 г. в порт Хакодате прибыли лица, сопровождавшие посланника русского царя адмирала Путятина, который, пересев с «Паллады» на «Диану», решил направиться в Осака. Поскольку известно, что пятого сентября первого года Ансэй (1854 г.) Тосихиро принял Посёта – адъютанта Путятина, то не приходится сомневаться, что не достигший еще и двадцати лет молодой Камадзиро видел капитана третьего ранга Посёта.

Спустя двадцать лет после этого, когда Энмото был назначен посланником Японии и приехал в Петербург, Посёт уже занимал пост министра путей сообщения. Путятин, одно время занимавший пост министра просвещения, к тому времени уже сошел с политической сцены и стал членом Государственного совета (своего рода синекуры).

Первые представления Энмото о России были, конечно же, ограниченными. Вернувшись из земли Эдзо в Эдо, он вскоре был вновь зачислен в учебное заведение Сёхэйко и продолжил обучение. В начале 1857 г. он стал курсантом военно-морского училища в Нагасаки.

Из военно-морского училища на обучение в Голландию

Прошли полтора года обучения в военно-морском училище, где Камадзиро продемонстрировал выдающиеся успехи. Тому есть свидетельство преподавателя-голландца Каттендикке (Kattendijke). Благодаря своим успехам, когда военно-морское училище в Нагасаки было закрыто и создан военно-морской тренировочный центр в районе Цукидзи в Эдо, Энмото Такэаки получил там должность преподавателя. Но вскоре он превратился из обучающего в обучаемого. В военно-морском училище занятия проходили на голландском языке, а теперь под руководством Накахамы Мандзиро Камадзиро начал изучать английский язык. Накахама был рыбаком из провинции Тоса². Он плавал в Тихом океане и, попав в Америку, выучился там английскому языку. После прибытия фрегатов Перри его призвали на службу сёгунату, и он открыл частную школу, где преподавался английский язык.

Первым крутым поворотом в жизни Энмото стало обучение в Голландии с 1862 г. по 1867 г. Направление группы студентов на обучение за границу было идеей *бакуфу*, и сначала местом их пребывания должна была стать Америка. Но в это время началась война между Севером и Югом, и Америку заменили на Голландию.

² Современная префектура Коти.

Среди тех, кто вместе с Эномото отправился в Голландию, насчитывалось пять морских офицеров и два врача. Среди них были Хаяси Кэнкай, чья младшая сестра позже вышла замуж за Эномото, который стал его шурином, Акамацу Дайдзабуро, женившийся на младшей сестре Эномото, а также Сава Тародзаэмон, который будет сражаться вместе с Эномото в битве при Хакодатэ. Помимо морских офицеров, в группу входили еще семь человек – в качестве стажеров-практикантов в области корабельных плотницких дел, изучения мореплавания и метеорологии. Кроме того, на особом положении в группе находились Ниси Аманэ и Цуда Мамити, изучавшие юриспруденцию и социологию.

Дневник Эномото, описывающий путешествие на голландском судне из голландской Батавии (Джакарты, столицы современной Индонезии) до острова Святой Елены, весьма занимателен. Вся морская терминология фиксировалась на голландском языке (в японском языке не существовало соответствующих терминов), иногда к нему примешивался английский, встречались и стихи, сложенные на китайском. Так что наряду с более поздним «Путешествием в Сибирь» дневник представляет ценность для исследований по формированию современного японского языка.

Когда направлявшиеся в Голландию студенты покидали Японию, их попросили пообещать две вещи: что они не обратятся в христианскую веру и что не будут менять одежду и прически на западный стиль. Среди студентов, действительно, никто не принял христианства, но поскольку с практической точки зрения японская одежда было неудобной, довольно быстро для занятий по мореплаванию студенты переоделись в европейское платье. Помимо изучения корабельного дела, мореплавания, артиллерийской стрельбы и работы паровых двигателей, Эномото серьезно занимался естественными науками. Большое значение имело и то, что под руководством доктора Фишеринга, у которого обучались Цуда и Ниси, он изучал международное морское право. Известно, что в своей библиотеке Эномото хранил переведенную на голландский язык книгу «Международное морское право и дипломатия», автором которой был признанный авторитет того времени в области международного права француз Жан-Теодор Ортолан (Ortolan).

Эномото поручили дожидаться завершения строительства военного корабля, который бакуфу заказало Голландии (это судно, длиной 72,8 м и водоизмещением 2590 т имело две мачты и паровой двигатель мощностью 410 лошадиных сил), и доставить его из Голландии в Японию. Корабль назывался «Кайё-мару», и в марте 1867 г. он вошел в порт Йокогама с Эномото и его товарищами по учебе на борту. «Кайё-мару» стал самым крупным и самым мощным из военных кораблей тогдашней Японии. После этого продвижение Эномото по службе в военноморских силах *бакуфу* ускорилось. В том же году он стал капитаном

«Кайё-мару», а весной следующего года – заместителем командующего военно-морским флотом. Весной 1868 г. Эномото стал именоваться Идзуми-но kami Такэаки. Считается, что в июне 1867 г., в год возвращения на родину, он женился на Тацу, младшей сестре врача Хаяси Кэнкай, своего товарища по учебе в Голландии.

Что касается войны годов *Босин* (1868–1869), то мы не имеем возможности говорить здесь о ней подробно. Скажем лишь, что Эномото во главе сёгунского флота бежал из Эдо на север и отвоевал у правительственных войск императора Мэйдзи порт города Хакодатэ. Однако война продолжалась недолго, и в мае 1869 г. он был вынужден капитулировать перед правительственными войсками. Говорят, что жизнь ему спасла упомянутая выше книга «Международное морское право и дипломатия», которую он преподнес перед самой капитуляцией Курода Киётада, командующему правительственными войсками. Несмотря на то, что Эномото был предводителем мятежников, он не был обезглавлен, и после более чем двухлетнего заточения в тюрьме благодаря усилиям Курода был освобожден.

Когда в январе 1872 г. Эномото вышел из тюрьмы, его ожидала работа, связанная с освоением северных земель. Находясь в подчинении у Курода, которого назначили уполномоченным по освоению Хоккайдо, Эномото изучал возможности освоения целинных земель и заселения острова, исходил горы и долины в поисках полезных ископаемых, прежде всего каменного угля. В течение двух лет (1872–1873) он прошел путь от провинции Осима с центром в Хакодатэ до провинции Исикари, откуда открывался путь в Саппоро, через провинцию Сорати, расположенную в Тохоку, вдоль побережья Хидака дошел до Эримо, затем повернул снова на восток и добрался до Нэмуру. В поисках минералов большую часть пути он шел как простой горнорабочий, водрузив инструменты на спину. Но вскоре его жизнь вновь переменилась.

В России

Эномото Такэаки был внезапно назначен посланником в Россию. Первоначально на этот пост предполагалось назначить придворного аристократа по фамилии Сава. Но поскольку он скоропостижно скончался, выбор пал на Эномото. Ведь он был известен как весьма способный человек. Помогло и то, что он имел опыт пребывания в должности вице-адмирала. С учетом того, что Эномото в юные годы соприкасался с Россией, обучался в течение долгого времени в Голландии, имел представление о нравах западноевропейцев, и, самое главное, знал несколько языков (голландский, немецкий, английский, итальянский), его сочли наиболее подходящим кандидатом.

Поскольку в Японии не нашлось портного, который мог бы сшить мундир, соответствующий чину адмирала, парадный мундир и повсе-

дневная форма были пошиты в Париже, где останавливался Энмото по пути к месту назначения. Энмото, будучи человеком, хорошо владеющим пером, за почти четыре года пребывания в российской столице только членам семьи написал порядка 120 писем. Поэтому его тамошняя жизнь и деятельность хорошо документированы.

Энмото прибыл в Санкт-Петербург 10 июня 1874 г., а 18-го числа получил аудиенцию у императора Александра II и вручил ему верительные грамоты. Ниже мы приводим отрывок из его письма старшей сестре. «Император принял меня чрезвычайно любезно... изволил сказать, что давно слышал обо мне. После этого, 20-го числа на яхте императора мы прибыли в Кронштадт (военный порт) и осмотрели военные корабли и укрепления. Вместе с нами на яхте находился младший брат императора, адмирал военно-морского флота великий князь Константин, и мне выпала возможность отобедать с императором и великим князем. Мне был оказан чрезвычайно теплый прием – Константин даже изволил собственноручно налить мне вина». Энмото продолжает: «Г-н Посьет, который когда-то вместе с Путятиным приезжал в Японию, сейчас является вице-адмиралом. Оба они живут в Петербурге и общаются со мной совсем как со старым другом».

В руках великого князя Константина находилась вся власть над военно-морским флотом. Считается также, что он был человеком, имевшим наибольшее влияние на императора. Очевидно, что прошлое Энмото, история о том, что он был вице-адмиралом военно-морских сил *бакуфу* и предводителем повстанцев, сражавшихся с правительственными войсками при Хакодате, через знакомого с Японией Посьета дошли до ушей и великого князя, и императора.

В том же самом письме, в постскриптуме Энмото добавляет: «Обстановка, которая меня окружает, – не та, что в Японии. Я открыл для себя много нового, мне оказывают знаки уважения. Это замечательно. Успокойся, я понимаю, какое общественное положение занимаю, и со всем не пью». Читая постскрипtum, можно предположить, что его старшая сестра Раку (которая иногда подписывалась Кангэцуин, что означает «Храм любования луной») строго предостерегала брата насчет неприятностей, к которым могло привести пьянство.

Секрет работы дипломата состоит в том, чтобы не отвращать от себя людей. «Пристрастия» вообще свойственны человеческой натуре, но Энмото удалось снискать благожелательное отношение к себе и самого российского императора-самодержца, и членов императорской фамилии. Впрочем, работа дипломата не могла быть настолько простой, чтобы ограничиваться только этим. Энмото обстоятельно изучал историю продвижения России на Дальний Восток. Он поручил одному из своих подчиненных сделать перевод только что опубликованной книги Атласова, в которой говорилось о Японии. Он также сделал перевод

изданной на голландском языке работы одного французского миссионера «Ситуация в Корее», подготовил материалы о доходах и расходах бюджета российского государства, сопроводив их своими пояснениями. А доклады, которые он направлял в Министерство иностранных дел Японии, и сейчас остаются важными историческими источниками. Известно, что и во время своих переговоров с российскими дипломатами Эномото не упускал из поля зрения вопросы управления Японией, как целостным современным государством. Похоже, что не покидала его и мысль о пересмотре неравноправных договоров, что являлось важнейшей задачей мэйдзийской дипломатии. В результате его усилий удалось заключить договор об обмене Сахалина на Курилы и выиграть дело, касающееся «Марии Луз».

Немало писем отправил Эномото и своей жене Тацу. Вот что он пишет ей в связи с ее беспокойством по поводу холодов: «Россия – страна холодная, но, по-видимому, из-за сильных морозов здесь совсем не случается эпидемий. В этом плане здесь спокойно. Русские даже говорят, что в мире нет страны, где бы климат был столь здоров, как в Петербурге. Едва ли это так, но действительно здоровому человеку жить в холодной стране приятно». Когда Эномото писал это письмо, его жена ждала второго ребенка (младенец умер сразу после рождения). Обращаясь к Тацу, Эномото часто советовал ей изучать французский язык. Он хотел, чтобы в будущем во время его работы за границей жена находилась вместе с ним (это желание осуществилось в 1882 г. во время его пребывания в Пекине). Однако в Петербурге Эномото был вынужден жить без семьи.

На званных обедах у императора, на приемах по линии дипломатических миссий непременно играла музыка, устраивались танцы. Несколько забегая вперед, скажу, что есть свидетельство того, что Эномото и Тацу присутствовали на бале-маскараде в так называемый период Рокумэйкан, идеи которого всячески продвигал министр иностранных дел Иноуэ Каору из первого кабинета Ито Хиробуми³. А поскольку есть фотография, на которой госпожа Тацу снята в европейской одежде, то можно предположить, что она принимала участие и в танцах.

В Петербурге Эномото заказал свой портрет одному англичанину, но портрет ему не понравился. Тогда он обратился к русскому художнику и попросил его написать свой портрет маслом в натуральную величину. Им он украсил свой кабинет в дипломатической миссии. Портрет писался, в том числе и по фотографии, присланной из Японии, поэтому Эномото изображен одетым в кимоно. На званом обеде по

³ Название *Рокумэйкан* было присвоено периоду с 1883 г. по начало 1890-х годов, когда в моду входило все европейское. Так был назван построенный в 1883 г. дом приемов, в котором устраивались приемы, банкеты, костюмированные балы с участием иностранцев.

случаю дня рождения японского императора Мэйдзи (3 ноября) и на других приемах, устраивавшихся дипломатической миссией, Энмото демонстрировал портрет гостям. В письмах он упоминает об этом.

А вот что пишет Энмото в письме ранней осенью 1875 г., когда были улажены дела, связанные с вопросами территориального договора и инцидентом с «Мария Луз». «Здесь уже лежит снег толщиной 4–5 сун. В дни, когда погода хорошая, я катаюсь на санях. Представляю, какая радость была бы, если бы рядом сидели ты и Кимпати»⁴.

Обычно круг общения *косу*, т.е. посланника (в России лишь с наступлением XX в. главу дипломатической миссии стали называть *тайси* – послом), достаточно узок. И в России он ограничивался лишь частью высшего общества. Если говорить о тех, с кем свел знакомство Энмото в России, то это были чиновники Министерства иностранных дел, с которыми он общался по роду службы, дипломаты западных стран, аккредитованные в России, а также представители аристократии, имевшие отношение к Японии – такие, как упоминавшиеся выше Путятин и Посыет. Специальных корреспондентов газет тогда еще не существовало.

В то время российское общество переживало сильные потрясения. Поразительно быстро на сцену выходили предприниматели, которых по-русски называли просто купцами, быстро расширялось их влияние, прежде всего Морозова. Эти тенденции были особенно заметны в Москве. Здесь местные органы власти – городская дума и градоначальник – оказались под сильным влиянием капиталистов-предпринимателей. Поскольку в Петербурге влиянием пользовались не столько купцы, сколько военные и чиновники, похоже, что Энмото не обратил достаточного внимания на продвижение российского общества по пути к модернизации.

Однако Энмото отчетливо видел противостояние между студентами Петербургского университета и властями. Так, Путятин лишился поста министра народного образования, поскольку проводил, к несчастью, слишком жесткую политику по отношению к Университету. Его преемником стал либерал Головин. Его отец служил когда-то офицером флота, был взят в плен на Хоккайдо. К тому времени, когда Энмото прибыл к месту назначения, Головин-сын уже покинул пост министра и не имел прямого отношения к Японии.

Все более заметным становилось оппозиционное политическое движение народников. Это было движение интеллигенции, защищавшей права народа. В 1877 г. Энмото в письме жене Тацу писал: «Некоторое время назад 32 студента устроили беспорядки, что-то вроде мятежа, и были арестованы. Среди них находились и 11 девушек... Эти люди возмущались притеснениями со стороны правительства и требо-

⁴ Кимпати – старший сын Энмото Такэаки.

вали свободы. Они размахивали в толпе флажками, на которых было написано «свобода» и что-то громко выкрикивали. Все 32 человека были посажены в тюрьму». Вряд ли сведения Энмото могут претендовать на окончательную точность. Он рассказывает об известном инциденте, происшедшем перед Казанским собором, выходящим на Невский проспект. Думаю, что в действительности Энмото не видел этих беспорядков, а узнал об их причинах и числе участников из газетных сообщений. В дипломатической миссии получали разные газеты на русском языке, но сам Энмото обычно ссылаясь в письмах на издававшуюся на французском языке *Le Journal*.

Когда Энмото возвращался на родину, среди тех, кто пришел на вокзал проводить его, был индеец по имени Параджи Рамчандра. Он был участником движения за независимость Индии, преследовался английскими властями и бежал в Россию. Получается, что Энмото, который отнюдь не испытывал симпатии к идеям свободы и прав народа, сочувствовал движению за независимость Индии.

Между тем движение народников набирало все большую силу. Конечно, Энмото и представить себе не мог, что не пройдет и трех лет со времени его отъезда из Петербурга, как сам Александр II лишится жизни из-за бомбы террористов.

В России 1870-х годов происходила не только радикализация общественных движений. Достоевский уже опубликовал «Бесов» и работал над «Братьями Карамазовыми», а Лев Толстой завершил «Анну Каренину». Тургенев часто уезжал в Париж и в России жил мало, но его «Записки охотника», «Первая любовь», «Отцы и дети» уже были широко известны. Понятно, что из-за языкового барьера Энмото не мог непосредственно ознакомиться с произведениями русской литературы. Но разве у него не было случая услышать о них от второго секретаря посольства, долго жившего в России, Исикава Бункити? (Он был командирован сёгунатом для обучения за границей. С 1865 г. жил в России. Говорят, что был учеником известного писателя Гончарова.) Как бы там ни было, но в письмах Энмото нет упоминаний о русской литературе. Пусть литература была ему не по силам, а как обстояло дело с музыкой? Уже исполнялись «Борис Годунов» и «Картинки с выставки» Мусоргского, был поставлен балет Чайковского «Лебединое озеро», звучал его «Первый концерт для фортепиано с оркестром». Однако нет свидетельств того, что Энмото присутствовал на подобных музыкальных представлениях. В письме он замечает: «Все представления – европейские, слов я не понимаю, поэтому совершенно не интересно».

Во время русско-турецкой войны проводились всевозможные благотворительные мероприятия. Вот о чем рассказывает Энмото в письме этого времени. «Два-три дня назад вместе с другими иностранными послами ходил слушать гейшу (видимо, имеется в виду певица. –

Н. Ё.). Голос звучит приятно, я бы даже не подумал, что это поет человек. Но все равно, японские песни гораздо интереснее». По-видимому, то, что слушал Эномото, было арией для колоратурного сопрано. Такие концерты вместе с другими иностранными послами он посещал лишь по долгу службы.

Что касается японских песен, о которых говорит Эномото, то, по-видимому, он имеет в виду мелодии сказителей *нагаута* и *токивадзу*, а, возможно, речь идет о пьесах театра Но. Вот что пишет Эномото в письме жене в конце 1877 г.: «Я слышал, что в Осака скончался Банхи-ко. Если говорить об актерах, то это был человек, которого в Японии заменить нечем. Искренне сожалею». Под именем Банхи-ко Эномото имел в виду скончавшегося 13 октября 1877 г. в возрасте 46 лет актера театра Кабуки по имени Бантохи-ко Сабуро. Известно, что сам Эномото, который пишет, что европейские спектакли неинтересны, питал интерес к театру Кабуки. Это свидетельствует о том, что трудно понять во всей их целостности искусство и другие явления культуры чужой страны, если человек не имеет соответствующей подготовки.

Важным фактором было и то, что Эномото в то время было уже около 40 лет. В одно время с ним в России жил молодой аристократ Мадэнокодзи Хидэмаро (в будущем – Наохидэ), который обучался в России с подросткового возраста. Он получил средства на обучение за границей от правительства Мэйдзи и жил среди обычных горожан. Он приехал в Петербург в 1872 г., а возвратился на родину в 1882 г. Таким образом, Мадэнокодзи находился в России в возрасте с 14 до 24 лет. По возвращении на родину в письмах своему старому учителю он часто сетовал на то, что «в Японии нет музыки». Очевидно, что, будучи молодым человеком и обладая светлой головой, он проникся глубоким интересом и к русской литературе, и к музыке, и к балету.

Несколько слов о кухне. Поскольку у Эномото уже имелся опыт пребывания на учебе в Голландии, он не должен был испытывать особых неудобств в отношении еды. Сейчас уже стало привычным, что дипломаты в ранге генерального консула и выше, направляясь к месту нового назначения, могут брать с собой повара. Считается, что это необходимо для того, чтобы приглашая иностранцев, иметь возможность угостить их блюдами японской кухни. В первые годы Мэйдзи, конечно, таких возможностей не было. При дипломатической миссии Эномото, видимо, прислуживала одна пожилая русская женщина, которая занималась поварской работой. Конечно, у нее не было навыков приготовления японских блюд. Эномото не высказывал особого недовольства по поводу русской кухни, но вот что он пишет. «В полдень каждый день ем японский обед. На днях Ватанабэ (Ватанабэ Хиромото, проживавший в Вене) прислал *кацубуси*, *мирин* и соевый соус». «Сегодня поел *тэмпура* и *соба*, приготовленные как положено. Было очень вкусно.

Запивая сакэ лук, приправленный *карасиан*, и салат из огурцов, я вспоминал, как наслаждался вечерней прохладой в Японии».

По-видимому, в данном случае роль повара играл личный сопровождающий Энмото Оока Киндзабуро. Часто у Энмото встречаются и фразы, подобные следующей: «Были бы здесь японские ресторанчики, где подают *тэмпура* или *соба*, я бы угостился там, даже если бы за один раз пришлось заплатить 4–5 *рё*»⁵.

Путешествие в Сибирь

В 1878 г. к огорчению своих петербургских друзей и знакомых Энмото оставил свой пост. Первоначально предполагалось, что срок его службы составит 2–3 года, но из-за русско-турецкой войны он растянулся на без малого пять лет. Повсюду ему говорили, что надеются, что в будущем, хранимый небесами, он непременно вновь придет в Россию в качестве посланника. И это была не просто любезность, свойственная дипломатам.

Решение Энмото вернуться на родину через Сибирь, а не на пассажирском пароходе, было связано с желанием ознакомиться с близкой к Японии территорией. Энмото задумал лично понять, является ли правдой мнение о том, что «японцы напрасно опасаются России и думают, что она и сейчас готова вторгнуться на Хоккайдо». «То, что армейский министр Ямагата Аритомо уделяет чрезвычайно большое внимание этому вопросу – совершенно естественно», – поясняет Энмото военную значимость инспекционной поездки в Сибирь, ссылаясь на министра. В этом, конечно, был свой резон, но когда Энмото пересек Сибирь, ему стало ясно, что Россия не замышляет развязать войну. Проезжая через крупные сибирские города, Энмото каждый раз посещал дивизионный штаб и записывал сведения о личном составе и дислокации войск.

Расстояние от Петербурга, находящегося на западе Российской империи, до Владивостока, расположенного на ее восточной окраине, составляет порядка 10 тыс. км. Первую четверть пути Энмото проделал на поезде и пароходе, более половины пути проехал в конной упряжке, а оставшуюся неполную четверть – вновь на пароходе по рекам Амур и Уссури. Его сопровождали три человека: второй секретарь посольства Исикава Бункити, упоминавшийся выше личный сопровождающий Оока и обучавшийся в России студент Тэрами Киити. Они нанимали два экипажа и сажались по двое. Эта срединная часть пути на повозках, занявшая сорок дней, была самой тяжелой частью путешествия, лошадей почти все время гнали и днем и ночью. Поразительно, что и в это время Энмото вел дневник.

⁵ Рё – золотая монета.

Эномото очень внимательно наблюдал за жизнью народов, встречающихся ему по пути следования. Он довольно подробно описал казанских татар, иркутских бурятов и даже такие малочисленные народы, как тунгусы и гольды. Повсюду на сибирских реках добывали золотой песок, и он детально изучал и приспособления для промывки песка, и сам процесс отливки. Наверное, в то время это могло пригодиться при добыче золотого песка на Хоккайдо. Часто случалось так, что экипажи Эномото и его спутников обгоняли группы ссыльных, отправлявшихся в места ссылки за совершенные тяжкие преступления. Это было зрелище, которого он никогда не видел в столице.

Особенности почвы в каждой местности, способы выращивания сельскохозяйственных культур, даже цены на различные товары, включая зерновые и мясо, – все это он записывает мелкими иероглифами в тетрадь. Как сказали бы сейчас, он проводил изучение рынка. Поражаясь объемам чая, который длинными вереницами возов, запряженных лошадьми, доставлялся из Китая, он добрался даже до Кяхты – центра торговли на границе между Россией и Китаем.

В то время, когда Эномото путешествовал по Сибири, его судьба после возвращения на родину была еще не ясна. Возможно, он подумывал, не стоит ли ему оставить дипломатию, отдалиться от мэйдзийского высшего общества и окунуться в мир предпринимательства.

В Японии формировалось новое правительство, и после того как Эномото стал министром, ему довелось еще дважды быть вовлеченным в эпизоды, имевшие отношение к России. Первый раз это было в 1891 г. в связи с инцидентом в Оцу, когда российский цесаревич Николай был ранен японским полицейским. Тогда Эномото стал министром иностранных дел вместо взявшего на себя ответственность за покушение и ушедшего в отставку министра Аоки Сюдзо. Видимо, предполагалась возможность отправить Эномото в Россию для принесения извинений. Однако позиция России заключалась в том, чтобы не доводить дело до такого визита. Второй случай относится к 1902 г., когда начало работу Японо-русское общество и Эномото был предложен на место его председателя. После ухода в 1897 г. с поста министра сельского хозяйства и торговли в связи с инцидентом на медных рудниках Асио⁶ Эномото отошел от политики. Но как только возникали какие-то проблемы, связанные с Россией, вспоминали про Эномото. То был период, который следовало бы назвать кануном японо-русской войны, и было неясно, что должно представлять собой Японо-русское общество. Само собой разумеется, что с началом японо-русской войны его деятельность прекратилась.

Летом 1908 г. здоровье Эномото Такэаки пошатнулось, и 27 октября того же года он скончался. Его могила находится при храме Китидзёд-

⁶ В 1887 г. на рудниках Асио произошла крупная забастовка.

зи по адресу Бункэй-ку Хонкомакоми сантёмэ. В 2007 г. было отмечено столетие со дня смерти Эномото Такэаки.

В парке Умэвака, расположенном по адресу Сумида-ку Цуцумидори ниттёмэ, стоит бронзовая статуя Эномото Такэаки, одетого в парадную форму. Она была установлена в 1913 г.

Самая замечательная биография Эномото Такэаки – это книга «Эномото Такэаки» Камо Гиити (первое издание вышло в 1960 г. в издательстве «Тюо коронся»). Своей оригинальностью привлекает и критическая биография, написанная Икуро Ятаро, которая цитируется в тексте этой книги. Что касается художественных произведений, в основу сюжета которых легла жизнь Такэаки до сражения при Хакодате, то их очень много, но в первую очередь следует назвать «Юки юкитэ тогэ ари» («На пути – новый перевал»), написанную Симодзава Хироси. Среди произведений, в которых представлена вся его жизнь, следует назвать такие книги, как «Мировая история глазами Эномото Такэаки» Сираи Коитиро («РНР Синсё», 2005 г.) и «Всесильный человек новой Японии Эномото Такэаки» под редакцией Эномото Такамицу и Таканарита Тору («Фудзивара сётэн», 2008 г.).

Что касается жизни Эномото Такэаки в период его пребывания в Петербурге, хотелось бы упомянуть раздел «Дом Эномото Такэаки в бытность его посланником в России» из книги Накамура Ёсикадзу «Российское эхо» («Хэйбонся», 2006 г.). Что до сибирских дневников Эномото Такэаки, то они опубликованы в серии «Научная библиотека Коданся», а в переложении на современный язык, сделанном Сувабэ Ёко и Накамура Ёсикадзу, вышли в серии «Хэйбонся райбурари» (2010 г.).

Перевод И. П. Лебедевой